

Е. В. Конышева

ЕВРОПЕЙСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ В СОВЕТСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ ПЕРИОДА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: КОНФЛИКТНЫЕ УЗЛЫ

E. V. Konysheva

EUROPEAN ARCHITECTS IN SOVIET TOWN PLANNING DURING FIRST FIVE-YEAR PLANS: CONFLICT KNOTS

Статья посвящена малоизученному аспекту советского градостроительства 1920—1930-х гг. — деятельности иностранных архитекторов в советских проектных организациях. В публикации рассматривается, прежде всего, проблема адаптации иностранного опыта в условиях советской проектной системы рубежа 1920—1930-х гг. — первой половины 1930-х гг. Раскрываются основные конфликтные узлы во взаимоотношениях иностранных специалистов и советской проектной системы. Обращено внимание на основные задачи, которые ставились перед европейскими архитекторами, технологию организации деятельности в проектных организациях и на стройках первых пятилеток, взаимоотношения советских и иностранных специалистов. В статье также затрагиваются главные причины обоюдного отказа от сотрудничества со стороны иностранных архитекторов и советского государства. Статья основана на материалах отечественных и зарубежных архивов.

Ключевые слова: *европейские архитекторы, советская система проектирования, конфликтные узлы, трансформация опыта.*

The understudied aspect of Soviet town planning in 1920—1930s and the activities of foreign architects in Soviet design organizations are examined. The problem of adaptation of foreign experience in the Soviet design system at the turn of 1920—1930 s — first half of 1930s is considered. The basic conflict knots in the relations between foreign specialists and the Soviet design system are exposed. The authors focused their attention to the main goals of European architects, the activity arrangement in design organizations and on the construction site of first five-year plans, the relations of Soviet and foreign specialists. The article presents the main reasons of mutual non-cooperation between foreign architects and the Soviet state. The article is based on the materials of national and foreign archives.

Keywords: *European architects, Soviet design system, conflict knots, transformation of experience.*

При всей широте и глубине изучения российского градостроительства и архитектуры названного времени, малоизученным остается аспект деятельности в СССР европейских архитекторов: причины приглашения и поставленные задачи; место и роль в советском градостроительном проектировании; характер и степень привлечения и влияния европейского опыта; характер и степень трансформации европейского градостроительного опыта в советских условиях; оценка вклада в теорию и практику советского градостроения. Данная публикация касается только одного аспекта в ряду вышеназванных проблем, а именно — проблем адаптации иностранного опыта в условиях советской проектной системы рубежа 1920—30-х гг. — первой половины 1930-х гг.

С началом индустриализации, в условиях интенсивных процессов урбанизации, с одной стороны, формируются концепции нового советского «социалистического» города (государственная, отраженная в законах и нормативах и творческая, отраженная в дискуссиях, полемических публикациях и т. п.); с другой стороны стремительными темпами заклады-

ваются десятки новых городов и реконструируются существующие. В этих обстоятельствах активизируется интерес к европейскому новаторскому теоретическому и практическому опыту в сфере градостроительного реформирования и жилищного строительства. В первое послереволюционное время ограниченный разнообразными творческими контактами и анализом европейской практики на страницах профессиональной прессы, в середине 1920-х гг. он реализуется в многочисленных концессионных соглашениях, а с конца 1920-х гг. — в массовом привлечении специалистов архитектурных и инженерно-строительных специальностей на стройки пятилетки для работы по контракту.

В 1928 г. при Строительном комитете ВСНХ СССР было образовано Центральное бюро иностранной консультации (ЦБИК)¹, которое занималось практической реализацией постановления президиума ВСНХ 1928 г. о приглашении в СССР в качестве консультантов 130 иностранных инженеров и техников в тресты, строительные организации и проектные конторы². Это постановление находилось

в русле политики советского правительства по всемерному использованию иностранного опыта в индустриализации страны³. С 1930 г. начинается массовый поток иностранных специалистов и рабочих в СССР, большая часть которых прибывала из Германии. Если в 1928 г. в СССР было около 1200 иностранных рабочих и специалистов, то к осени 1932 почти 20 тыс. (вместе с семьями свыше 40 тыс.)⁴. Число архитекторов и инженеров-проектировщиков сферы гражданского строительства из них, конечно, было небольшим, но, тем не менее — около 200 человек. Наиболее массовый приток специалистов архитектурно-проектной и инженерно-строительной сфер наблюдался в 1931 г., когда была заключена основная доля контрактов⁵. Самые разнообразные проектные конторы и строительные предприятия начали массово подавать заявки на заключение договоров с иностранными специалистами, либо самостоятельно приглашать архитекторов, техников, инженеров, проектировщиков, непосредственно ведя с ними переговоры. Иностранные архитекторы, инженеры-проектировщики, инженеры-строители и специалисты по стройматериалам работали в проектно-планировочном бюро Цekomбанка, в Вузстройпроекте, Гипрогоре, Моспроекте, Госпроекте 1 и 2, Гипростальмосте, Промстройпроекте, Гипросельхозе, Стандартбетоне, Машиностройпроекте, Сантехстрое, Союзснабстрое, Торгстрое, Гипроверфи, Мосгорснабсбыте и многих других. В целом они трудились более чем в 50 советских строительных и проектных организациях⁶, входивших в основном в четыре крупных государственных объединения Росстрой, Союзстрой, Союзстандартжилстрой и Стройобъединение ВСНХ РСФСР. Архитекторы приезжали не только самостоятельно. В октябре 1930 г. — феврале 1931 г. в СССР прибыли две крупные группы европейских архитекторов, составившие архитектурные бригады Э. Май (М. Стам, Х. Шмидт, В. Шульц, В. Швагеншайдт, В. Шютте, Г. Шютте-Лихотски и другие, всего 23 сотрудника) и Х. Майера (Б. Шеффлер, Ф. Тольцинер, Т. Вайнер, К. Пюшель, Р. Менш, К. Мойман, А. Урбан). В целом в СССР работало немало высококлассных архитекторов-специалистов, среди которых наиболее крупными фигурами были Б. Таут, Х. Майер, Э. Май, К. Майер, М. Стам, Х. Шмидт и др.

Приехав по разным причинам, но все с предвкушением решения грандиозных задач и уникальных профессиональных возможностей, архитекторы оказались в иной ментальной, социально-экономической, идеологической среде, и им наиболее сложно было совместить свои представления о новом обществе и революционной архитектуре с советскими реалиями. Со своей стороны, советское государство, в массовом порядке приглашая иностранных специалистов, рассчитывало на максимально полное использование зарубежного опыта с точки зрения внедрения новых методов проектирования и строительства, способных помочь в разрешении грандиозных задач по реконструкции старых городов и строительству десятков новых в условиях форсированной индустриализации. Так, в договоре, подписанном 15 июля 1930 г. с Э. Маем, специально оговариваются задачи Проектно-планировочного бюро по строительству новых городов и поселков

в Цekomбанке, куда приглашается по 5-летнему контракту Э. Май и отобранные им сотрудники. А именно: «...б) составление проектов по планировке новых городов и поселков, а также перепланировке старых; ...г) разработка мероприятий по рационализации и стандартизации строительства жилых домов и других гражданских сооружений, а также по улучшению методов проектировки и выполнения комплексного строительства городов и поселков с применением всех новейших достижений в области строительства, как конструктивных, так и в организации метода строительства и оборудования жилищ; д) разработка типовых проектов жилых домов и других гражданских сооружений; е) разработка проектов фабрик и заводов для производства стандартных жилищ, как известных уже в практике, так и новых...». Также особое внимание в договоре стоит обратить на следующие пункты: «...з) опубликование работ Бюро в особом журнале, издание книг и альбомов; и) ознакомление путем отдельных докладов инженерно-технических и общественных кругов с вопросами деятельности бюро... Кроме того, содействие в подготовке молодых советских специалистов, путем прохождения студентами высших технических учебных заведений своей производственной практики в Бюро и поднятие квалификации молодых специалистов, окончивших советские высшие технические учебные заведения. Соответственно с этим гр. Май выражает согласие на принятие... в Бюро на производственную практику и на службу не менее 50 человек студентов и молодых советских специалистов, а если объем работ позволит, то и больше»⁷. Это еще одна, не мене важная, задача иностранных специалистов — подготовка советских кадров, передача наработанного опыта.

В деятельности иностранных архитекторов в СССР, в многогранных взаимоотношениях с государственными структурами, коллегами, сотрудниками и т.п., можно выделить основные «конфликтные узлы», которые как в маленькой капле отражали условия советской градостроительной системы 1930-х гг.

В условиях советской политико-идеологической системы 1930-х гг. была изначально предопределена зыбкость социального статуса иностранных специалистов. Не удивительно, что очень короткое время заняла эволюция от стремления привлечь к ответственной работе и извлечь опыт, к отвержению роли и однозначно отрицательной оценке вклада вплоть до политического преследования как «врагов народа». Соответственно, неустойчивым было и положение иностранных архитекторов в структуре проектных или строительных организаций, даже если они имели высокий профессиональный статус (Э. Май, Х. Майер, К. Майер, Б. Таут). В целом, для советской системы организации проектирования рубежа 1920—30-х гг. были свойственны многочисленные реорганизации проектных контор с «переброской» кадров и проектов. А бригады иностранных архитекторов очень короткое время работали едиными и отдельными коллективами, затем они сливались с советскими коллегами, «перемешивались» между собой, составляли многообразные и, часто, кратковременные комбинации⁸.

Повседневная проектная работа иностранных архитекторов строилась в рамках сложившейся со-

ветской практики, учитывая, что работали они не изолированно, а в единых коллективах с советскими проектировщиками. Архитекторы вели форсированную работу одновременно по нескольким крупномасштабным объектам, «разбросанным» по огромной стране. Учитывая политику индустриализации и соответствующего ей «социалистического расселения», с массовым перемещением производственных и трудовых ресурсов на восток СССР, основной территорией проектной деятельности становились регионы Урала и Сибири. Причем сроки для создания всех этих проектов были катастрофически малы — как правило, две недели. Разрабатывая планы «с колес», не имея обещанных, но никогда не предоставляемых предпроектных исследований, архитекторы ориентировались почти исключительно на визуальный осмотр местности в течение нескольких дней. Это влекло за собой бесконечные и перманентные корректировки на основании вновь открывающихся обстоятельств. Проектная работа предполагала также частые и многомесячные командировки к местам проектирования. Например, в договоре с Э. Маем отдельной строкой были прописаны обязательные для него и членов бригады «осмотр возводимых строений и сооружений на месте, дача по ним заключений и консультаций, а также оказание содействия в организации и выполнении строительства...»⁹. Технология организации проектного процесса кардинально отличалась от западной с точки зрения материальной и технической обеспеченности, рационализации труда и выстраивания иерархии взаимоотношений и отношений архитектор (проектная контора) — заказчик.

Иностранцами архитекторами наиболее остро ощущалась парадоксальность советской «плановой» системы, где с одной стороны царствовала сверхцентрализация, но с другой — ведомственные интересы и личные карьерные, финансовые и политические амбиции. Наличие единственного заказчика — государства, но в лице различных ведомств, влекло за собой положение архитектора на острие сталкивающихся интересов государственных органов управления народным хозяйством, государственных проектных организаций¹⁰, «промышленного лобби», местной власти. При этом иностранным архитекторам пришлось столкнуться с весьма своеобразным конкурентным проектированием «по-советски». Разные проектные организации часто выполняли одно и то же проектное задание независимо друг от друга, даже не зная о такой параллельной деятельности. Как правило, причиной этого были несогласованные действия разных управленческих отделов отраслевого ведомства или разных ведомств в условиях того, что новые и реконструируемые города на рубеже 1920—30-х гг. часто формировались как многопрофильные поселения-конгломераты. А ведь кроме городского планирования необходимы были работы по съемке, районной планировке, застройке. Проекты отдельных типов сооружений выполнялись по поручению, заказывались или согласовывались в многочисленных профильных ведомствах и инстанциях — Нарпите, Наркомпросе и т. п. Существовало огромное число ведомственных норм и стандартов. Все это оборачивалось несогласованностью, путаницей, неоправданными затратами.

Подготовка проектов предполагала прохождение многократных экспертиз и рассмотрений в разных инстанциях и на разных уровнях. Проектная деятельность являла собой поиск компромиссов, архитекторы постоянно принимали участие в многочисленных заседаниях комиссий по проектированию. В широком спектре мнений планировщиков, инженеров, чиновников, последнее слово всегда было не за архитекторами, а за представителями власти. Обсуждение проектов и конструктивная критика способствовали поиску оптимальных решений, но претензии зачастую были расплывчаты, конъюнктурны, противоречивы. Проекты подвергались перманентной переработке и по причинам, лежащим вне сферы компетенции архитекторов-проектировщиков. Проекты приходилось пересматривать, во-первых, из-за изменений направлений и масштабов территориального развития градообразующих предприятий; во-вторых, из-за меняющихся правительственных постановлений, регулирующих пространственные взаимоотношения между заводами и рабочими поселками; в-третьих, из-за перманентных корректировок проектной численности населения; в-четвертых, из-за отсутствия или недостаточности при составлении исходного варианта необходимых предпроектных исследований; и, наконец, в-пятых, из-за многообразия представлений о принципах планировки и застройки «социалистического города» (центральной власти, архитектурного сообщества, местных партийных и советских функционеров, рабочих (на чье мнение так любили ссылаться) и др.). Учитывать нужно было и то, что место для размещения рабочего города было уже зафиксировано, и выбрано оно было с учетом исключительно интересов градообразующего предприятия. Отдельным аспектом этой комплексной проблемы была непрозрачность схемы принятия решений, что особенно касалось конкурсного проектирования. Приоритет политической и идеологической мотивированности решений разнообразных комиссий и жюри дополнялся конкуренцией ведомств, «кланов» и личностей¹¹.

Деятельность большинства иностранных архитектурных бригад и отдельных европейских архитекторов не была замкнута только стенами столичных проектных организаций, а развернулась на «ударных» стройках первых пятилеток. Внедрение разработанных проектов на местах выявляло еще один комплекс проблем. Это непрозрачность и неустойчивость системы финансирования проектирования и строительства. Жесткие сроки, определяемые вне какой-либо связи с реальностью, а по государственным «пятилетним», «праздничным», «ударным» и т. п. планам, когда обеспеченность сроков финансовыми инвестициями, данными предпроектных исследований, техническим персоналом, рабочей силой, строительными материалами в расчет не принимались. Это ограниченные возможности использования современных строительных материалов и технологий. Кроме того, это зависимость продуктивности труда архитекторов от многих посторонних условий: квалификации рабочей силы, образованности руководителей стройки, порядочности прорабов, качества предпроектных исследований и еще многих других параметров, которые оказывались тем камнем преткновения, о

который разбивались многие творческие замыслы и конкретные проекты. Архитекторы столкнулись с почти полным отсутствием квалифицированных кадров разного уровня и фактическим отсутствием механизации производства. Преобладание малопроизводительного ручного труда было обусловлено не только и не столько недостаточностью технического обеспечения. Учитывая источники комплектования рабочей силы для строительства промышленных гигантов и «социалистических городов» при них, большинство составляли крестьяне, вынужденные или принужденные мигрировать в города. А текучесть рабочей силы уничтожала все усилия по передаче профессиональных навыков. Архитекторы должны были и надолго забыть о современных строительных материалах и технологиях. Металл, стекло, бетон были крайним дефицитом, применение их в гражданском строительстве фактически запрещалось правительственными постановлениями. Отдельным пунктом в отчете «Горстройпроекта (где в основном была сосредоточена деятельность архитекторов-иностранцев) за 1933 г. выносятся показатели Москонторы Горстройпроекта по экономии материалов. Здесь ясно видно увеличение удельного веса использования местных материалов (в 1933 г. в сравнении с 1932 г. их объем вырос на 9,5% и составил 27%), а строения из дерева, кирпича и местных материалов в совокупности составляли 86,5%¹². Все это было чрезвычайно сложно воспринять архитекторам-функционалистам, чьи принципы, художественный метод и образность во многом определялись современными технологиями и материалами.

Европейские архитекторы, имевшие за плечами опыт градостроительного и архитектурного проектирования, не переносили его непосредственно на советскую почву, а преломляли его в соответствии с новыми условиями. При этом факторы необходимости трансформации опыта носили как объективный и оправданный характер, так и вынужденный, под влиянием разноплановых обстоятельств, в том числе лежащих вне сферы собственно профессиональной деятельности. Архитекторы часто были поставлены в ситуацию выбора между собственным профессионализмом и волей заказчика; между исповедуемыми профессией градостроительными принципами и официальными идеологическими догмами; намерениями и возможностями. Смена ориентира развития советской архитектуры с началом второй пятилетки вызывала необходимость трансформировать или приспособить собственные принципы, заставляла пытаться «уловить тренд» и искренне оправдать его, или осознать «горькую правду» и разорвать исчерпавшие себя отношения.

1932—1933 гг. стали в целом временем «резкого повышения текучести среди иноработников», когда невозможность вписаться в рамки существовавших писанных законов и неписанных правил в организации системы профессиональной деятельности, заставляли прежде всего высококвалифицированных специалистов отказываться от дальнейшей работы в СССР. Примечательно, что в 1933 г. среди особенно неблагополучных трестов, освобождающихся от иностранцев в НКТП СССР названы Союзстандартжилстрой и Стандартгорпроект¹³. На 1 января 1934 г. в тресте «Гостройпроект» из большого ранее

контингента иностранных архитекторов и инженеров числилось уже только 26 человек¹⁴. Такое «освобождение» отражало, прежде всего, изменившуюся направленность советской политики в отношении иностранных специалистов. Декларативно, в 1933 г. политика «освобождения под тем или иным предлогом от иностранных работников вообще» еще признавалась «неправильным путем»¹⁵. В 1935 г. ИНО НКТП уже прямо указывает: «... в настоящее время необходимо приступить к проведению следующих мероприятий: ... Проверить совместно с директорами предприятий персональный состав работающих в остальных отраслях иностранцев (на предприятиях, проектных и монтажных организациях и научно-исследовательских учреждениях) и снять с работы тех из иноработников, которые не представляют производственной ценности (по своей квалификации) и политически нелояльны к нам»¹⁶.

Иностранные архитекторы, оказавшиеся в ситуации невозможности полноценной реализации своих концепций и опыта, ментально чужие советскому строю, а также, в основной массе, чуждые социально и политически, «выдавливались» из активной деятельности. Напряженная, иногда враждебная атмосфера складывалась в проектных коллективах между русскими и иностранцами еще с 1931—1932 гг. Один из «иностранцев» архитекторов «Стандартгорпроекта», политэмигрант Л. Дакоста, свидетельствовал: «Работники предприятия представляют из себя две группировку: русские и иностранцы. Чувствуется враждебная атмосфера между этими группировками, и каждый удар, направленный против иноспециалистов в отдельности с удовлетворением комментируется советскими «товарищами», причем здесь наблюдается полная взаимность...». «Как работают иностранные товарищи? Совершенно изолированно, никакой совместной работы не наблюдается между этими двумя враждебными группировками. Никакой помощи со стороны советских специалистов, наоборот, стараются находить промахи, но не ради критики, которая могла бы быть еще сносной, но ради критики разрушительной, которая вызывает только досаду, вздох и пожимание плечами...»¹⁷. «В Стандартгорпроекте к нам подходили, и продолжают подходить, притом с каждым днем все больше и больше, как к какому-то стаду, гонимому кризисом, как к безработным, ускользнувшим от капиталистического ада, как к исполнителям пятилетки и как к классовым врагам...»¹⁸.

На протяжении 1933—1937 гг. происходит постепенное сворачивание деятельности иностранных специалистов, и к 1938 г. большая часть европейских архитекторов покинет СССР, оставшаяся подвергнется репрессиям. Многие архитекторы уезжали из СССР с чувством разочарования и в своих представлениях о новой советской действительности, и в советской реальности, и в результатах своей деятельности. В прессе 1930-х гг. прокатилась волна негативной оценки использования иностранного опыта¹⁹.

Проектные замыслы, разработанные архитекторами иностранных бригад, или при их участии, получили лишь фрагментарное и, преимущественно, искаженное относительно изначальных проектов, воплощение. Тем не менее, несмотря на дальнейшее отрицание вклада европейских архитекторов

в советское градостроение 1930-х гг. в советской профессиональной прессе и научной литературе, они внесли несомненную лепту в разработку и внедрение новой проектной методологии, планировочных принципов, типов жилой и общественной застройки, стандартизации и индустриализации, в подготовку новых советских архитектурных и инженерных кадров.

Примечания

1. Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования. — М., 2009. — С. 289.
2. Там же. С. 280.
3. Такая задача была поставлена постановлением СНК СССР «О привлечении специалистов из-за границы» (15.02.1927) и Политбюро ЦК ВКП (б) «О привлечении иностранных специалистов» (2.08.1928) (Индустриализация Советского союза... С. 222—25; 233—234).
4. Дель О. От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. — М., 1997. — С. 9.
5. На основе анализа комплекса документов из фондов ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации, Москва) и РГАЭ (Российский государственный архив экономики, Москва), в частности см.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а; РГАЭ. Ф. 5741. Оп. 2, 5.
6. Общее число организаций и их список составлены автором на основе комплекса документов из фондов ГАРФ и РГАЭ.
7. Deutsches Kunstharchiv im Germanisches Nationalmuseum Nürnberg (DKA). NL May, Ernst, I, B-13. Zekombank, UdSSR. — 1930.
8. Конрад Пюшель, архитектор группы Х. Майера, озвучивает официальную «идеологическую» версию: «Вскоре выяснилось, что обособленное существование... не способствовало пониманию советских условий труда и быта, общественных и экономических процессов. Поэтому руководство Гипровтуза включило членов группы в разные советские бригады. Результаты не заставили себя ждать. Последовали профессиональные разговоры, плодотворные для обеих сторон, родились тесные личные контакты, не ограничивавшие служебными интересами, но, прежде всего, возникло понимание политических закономерностей строительства социализма» (Пюшель К. Группа Ханнеса Майера в Советском Союзе (1930—1937) // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. — М., 1980. С. 158). Однако, подобная «идеологическая» причина, как и столь однозначно позитивные последствия, вызы-

вают сомнения. За всем эти прослеживаются как прагматические интересы интеграции иностранного опыта, так и нестабильность советской проектной системы на рубеже 1920—30-х гг., и борьба ведомственных интересов.

9. DKA. NL May, Ernst, I, B-13. Zekombank, UdSSR. 1930. Договор с Э. Маем от 15.07.1930. О повседневной жизни иностранных архитекторов в СССР на рус. яз. см.: Квиринг К. Иностранные специалисты в Советском Союзе: «Бригада Мая» // Архитектон: известия вузов. — 2012. — № 37. — URL: http://archvuz.ru/2012_1/14/; Коньшева Е. В. Европейские архитекторы на стройках первых пятилеток (в аспекте повседневности) Архитектон: известия вузов. — 2010. — № 32. — URL: http://archvuz.ru/numbers/2010_4/010.

10. Так, городском планировании конца 1920-х — начала 1930-х гг. столкнулись интересы и амбиции ВСНХ (с 1932 г. НКТП) СССР и ГУКХ НКВД (с лета 1931 г. — НККХ РСФСР) и, соответственно, мощных проектных организаций — Союзстандартжилстроя и Гипрогора. Подробно об этом см.: Меерович М. Г. Борьба титанов или Скрытое продолжение великого перелома // Akademia. — 2009. — № 4.

11. Подробнее об этом на примере проектирования и застройки г. Магнитогорска см.: Коньшева Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). — М., 2012.

12. РГАЭ. Ф. 8022. Оп. 1. Д. 33. Л. 12. Годовой отчет треста «Горстройпроект» по основной деятельности и капитальному строительству за 1933 г.

13. Приказ по Наркомтяжпрому СССР о работе и условиях труда иностранных специалистов на предприятиях отрасли 23 мая 1933 г. // Индустриализация Советского союза... — Ч. 2. — URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6016

14. РГАЭ. Ф. 8022. Оп. 1. Д. 33. Годовой отчет треста «Горстройпроект»... — Л. 48.

15. Там же.

16. Информация начальника ИНО НКТП СССР Биренцвейга наркому тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе о численности и составе инокадров 3 апреля 1935 г. // Индустриализация Советского союза...

17. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13а. Д. 481. Л. 74.

18. Там же. — Л. 69.

19. См. напр.: Коньшева Е. В., Меерович М. Г., Флирль Т. Критика деятельности Э. Мая в СССР // Архитектон: известия вузов. — 2012. — № 37. — URL: http://archvuz.ru/numbers/2012_1/30

Поступила в редакцию 8 июля 2013 г.

КОНЫШЕВА Евгения Владимировна окончила исторический факультет, Челябинский государственный педагогический университет и факультет теории и истории искусства, С.-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. В 2003 г. в С.-Петербурге защитила кандидатскую диссертацию по искусствоведению. Сфера научных интересов — история градостроительства и архитектуры России и уральского региона. Автор многочисленных научных публикаций по данной проблематике. E-mail: blv@susu.ac.ru.

KONYSHEVA Evgenia Vladimirovna graduated from the history department of the Chelyabinsk State Pedagogical University and the Department of Theory and History of Art, St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture. IE Repin. PhD in Art History (2003), assistant professor of art history and culture of the South Ural State University. Research interests — history of urban planning and architecture of Russia and the Urals region. Author of numerous scientific publications on the subject. E-mail: blv@susu.ac.ru.